

SUMMARY

The article deals with the artistic representation of «native» vs «other» in the novel «Tracks» written by L. Erdrich, a native american author. The search of identity within multicultural society makes the collision of «native» and «other» one of the most important motives in the novels of native american authors – ethnic literatures representatives. The motive of «native» vs «other» is considered in the article within the novel imagery and composition according to the main ethnic

components: language, loyalty to common ancestry and cultural ethos. Attention is paid to the opposing cultural codes – the European Christian and the native american – affecting the plot and imagery of the novel through contrasting two main characters in their relation to the ethnic components named above and through the novel composition (division of the novel into the parts according to the images of the main characters).

Паступні у редакцію 19.01.2012 г.

УДК 821.111(73)"18"

Н.В. Искендерова,
соискатель Бакинского славянского университета, Азербайджан

ОБРАЗЫ ВОСТОЧНЫХ ЖЕНЩИН В АМЕРИКАНСКОЙ ОРИЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Американская нация, вставшая на путь самоопределения, искала новые формы для демонстрации силы и достоинства своих граждан, а также утверждения молодой нации среди стран Старого Света. Особую роль в пропаганде этих идей играла литература, в которой популярными были темы нации и империи, раскрывающиеся в литературных произведениях постреволюционной поры в Америке через вопросы гендера – изображение американских мужчин благородными и мужественными, а американских женщин добродетельными и покорными.

Однако ориентализм – это противоречивый процесс, вобравший в себя различный по содержанию опыт туристов, писателей, художников и бюрократов, что подтверждает тезис о существовании различных ассоциаций и форм познания Востока (речь идет не о географическом определении, а о системе ценностей, культур и религий) [1, с. 8].

Восток, как колыбель возвышенной поэзии, создавал к тому же гаремы, фантазии в стиле арабских ночей. В устах путешественников и писателей Восток слыл местом маскарадов и приключений, где можно было забыть о требованиях, установленных современной Америкой, и окунуться в мир необычного и прекрасного. Восток представлялся сказочной долиной, где каждого ждут роскошный образ жизни и удовлетворение слабостей. Таким образом, Восток был своего рода терапией для Америки в переходный период, когда она проживала тяжелые времена индустриализации и урбанизации [2, с. 39].

Период середины XIX в. ознаменовался появлением «Декларации сентиментов»

(1848), подписанной участниками форума за женские свободы и права в Сенека Фолз, Нью-Йорк, и 19-й поправки к Конституции США, предоставляющей женщинам избирательные права [3]. И в этой затянувшейся кампании сопротивления и неохотных уступок ориентализм служил своего рода «клапаном безопасности» в гендерном противостоянии. Именно ориентализм «обеспечивал американских мужчин» образами для идеализации и исполнения желаний, а американских женщин – возможностью стать активными участниками процесса формирования американской идеологии, созидания социополитической жизни Новой Англии [2, с. 77].

Объектом исследования послужили романы Сюзанны Роусон «Рабы в Алжире» (1794), Эдгара Аллана По «Лигейя» (1838), Матурина Балу «Турецкий раб» (1850), Марии Сюзанны Кумминс «Эль-Фурейдис» (1860) и Джона Де Фореста «Миссионерка Айрин» (1879), в которых авторы раскрывают свои национальные особенности путем выделения проблемы ограничения свободы женщин Нового Света и негативным отношением к имперской политике США.

Существующие социальные условия способствовали написанию произведений, хотя в то же время требовали от авторов сдержанности и строгости при изображении женских образов. Тем не менее, в «Рабах Алжира» Сюзанна Роусон как первый автор женского романа смогла освободиться от «общественных оков» и создать смелые женские образы, которые по нравственной силе и противостоянию к жизненным трудностям не уступают мужчинам [4].

Использование в этом произведении Алжира как восточного пространства, и гарема подтверждает ассоциации и фантазии Запада о сладострастии и чувственности обитателей Востока, ибо с того времени, как Запад узнал Восток и прочитал восточные сказки, гаремы ассоциировались с чувственными наслаждениями, предоставляемыми только мужчинам. Как представитель своего времени, С. Роусон изображает гарем как социальное пространство, где женщины налаживают связи, свободные от общества мужчин. В гареме Селима и Фетне обсуждают институт сексуальной монархии мужчин, а Зориана и Оливия так тесно сближаются, что готовы пожертвовать жизнью ради друг друга. Их невероятно близкая дружба, неоднократно подчеркиваемая автором, приводит к тому, что они обе готовы отказаться от любимого мужчины. Исследователь называет эти чувства женщин *displaced love of women for each other*, то есть «искаженной любовью женщин друг к другу» [5, с. 66]. Примеров «искаженной любви» в восточном гареме в произведениях американских авторов приводится много, что подтверждает еще одну фантазию западных авторов. Так, Аллан Ричардсон отмечает: «Восточный гарем способствовал созданию не только устойчивого мифа о мужском сексуальном наслаждении, но пробудил одновременно и мысль об угрозе женской сексуальности, включающей разрушительную атмосферу лесбийского желания» [6, с. 7].

В целом, мотивы, связанные с гаремами, детальное описание этого пространства были очень популярным у читающей публики США. Как направление «гаремная интрига» пришла в американскую литературу из Англии, подобные традиции были заложены Джеймсом Мориером в «Приключениях Хаджибабы из Исфагана» (James Morier, «Adventures of Hajji Baba of Ispahan», 1824). Американские авторы поспешили использовать этот мотив в своих произведениях о запертых в гаремах восточных женщинах, которых, по их замыслу, освобождают из заточения свободолюбивые американцы. К примеру, новелла Джеймса Боулдена «Американец среди восточных людей» имела подзаголовок «включающая аудиенцию Султана, и посещение гарема» [7], а роман Матурина Баллу «Турецкий раб» был издан с подзаголовком «Магометанин и его гарем» [8].

Проблемы гендера и отношений к женщине в Новом Свете и восточных странах через призму гарема получили свое освещение и во многих литературных произведениях о миссионерской деятельности американцев, опубликованных в США.

В миссионерском романе «El Fureidîs» (1860) Марии Сюзанны Кумминс (Maria Suzzanna Cummins) главный герой Мередит влюбляется в восточную девушку Авилллу, но получает «резкий отпор» [9]. В отличие от романа Джона Де Фореста «Миссионерка Айрин» [10], написанного на миссионерскую тему, где самовлюбленный археолог с самого начала вознаграждается вниманием белой женщины-миссионерки. В «Эль-Фурейдисе» расовые различия Ближнего Востока используются для придания восточной женщине особенностей, отличающих ее от стереотипных образов, созданных западным мышлением.

С.М. Кумминс использует культурное смешение также с целью упорядочить знания Запада о Востоке и разрушить расовые основы культурного империализма США. С этой целью писательница открывает завесу над самым популярным и мистифицированным символом западного имперского желания – гаремом. Вопреки стереотипному использованию гарема как сексуального пространства, С.М. Кумминс использует его как материнское пространство.

Матурин Муррей Баллу как и его современники в романе «Турецкий раб» выделяет детали гаремной жизни [8]. Гарем, символизирующий синкретический Восток, закодирован здесь как таинственный, недоступный, чувственный и воплощен в образе женщины или эротизированного пространства, ожидающего прихода мужчины. В гареме Султана Магомета «прекрасные обительницы без усталости ворковали друг с другом в послеобеденное время, небольшими глотками испивая разноцветные шербеты, перебирая розы и другие изящные цветы, которые цвели повсюду в этих роскошных и сказочных апартаментах. Неосознанное счастье исходило от их лиц в этом состоянии беззаботной праздности» [8, с. 48]. В предыдущем описании гарема Сюзанны Кумминс было отмечено, что тишина всегда сопутствовала гаремной жизни. Так, и в произведении М. Баллу, гарем описывается как среда, в которой женщины не обладают какими-либо специфическими особенностями, отличающими их друг от друга; они существуют как бы в нереальном мире или в воображении читателей. Гарем и восточная женщина служат символами Востока, который предстает как пассивный и иррациональный субъект познания [8, с. 16].

Подобное отношение к восточной женщине мы находим в романе Джона Де Фореста «Миссионерка Айрин», где главный герой Де Ври, как только возникает опасность для его миссионерской деятельности, прежде чем

покинуть Сирию, намеревается прихватить с собой и свою «игрушку», так он называет свою возлюбленную – сирийскую девушку Саду.

Намерение Де Ври послать Сааду в качестве игрушки своей матери, вызывает в миссионерке Айрин, влюбленной в Де Ври, желание самой стать его игрушкой, но она, добродетельная американская девушка, не обладает теми особенностями Саады, которые притягивают восточного мужчину.

Идея ассоциации аббатства и восточных женщин с гаремом не нова, если вспомнить все произведения, посвященные Ближнему и Среднему Востоку, созданные американскими авторами. В новелле Э. По «Лигейя» аббатство украшается в восточном стиле, таким образом полностью соответствуя западному воображаемому представлению гарема, из которого восточных женщин надо освобождать. В то же время аббатство «с расположенным на возвышении саркофагом ассоциируется с огороженным, прикрытым местом» [11], где брачный полог Ровены означает гаремную неприкосновенность. Особо значимой деталью брачного полога является то, что в нем, как и гареме, разместились две женщины – Лигейя и Ровена.

Подобно Э. По, другой американский писатель XIX в. Герман Мелвилл разрушает один из популярных стереотипов Ближнего Востока – гарем, связывая чувственный гарем западного воображения с самым почитаемым на Западе образом женщины – монахинями. В своих дорожных записках, эссе и очерках на данную тему Г. Мелвилл стирает грани между святым и мирским, между аскетизмом и чувственностью, что противоречит западным концепциям отношения к женщине. Во время своего путешествия в Европу, Грецию и Турцию Г. Мелвилл в дневнике пишет: «Гарем (святой, неприкосновенный) находится на борту корабля. Бледные женщины с прямыми носами, правильными чертами, прекрасными бюстами. Похожи на монахинь в прямых платьях, но округлые формы бюста отрицают принадлежность к этой группе» [12, с. 15:67].

Таким образом, составляющие основу западной метафизики гендерные различия между мужчиной и женщиной в анализируемых нами восточных произведениях перенесены в ракурс ориенталистского подхода, разделяющего женщин на западных и восточных. В этой искусственно надуманной иерархии у женщин, как отмечают сами американские ис-

следователи, есть огромное количество общих, схожих особенностей. Одинаковая природа и социальная зависимость от мужчин превращает женщин, и западных, и восточных, в «игрушку», «объект притязаний», слуганок дома и общества. Их невероятные усилия изменить свой статус в семье и обществе, избавиться от «шелковых цепей» не дают желаемых результатов, ибо мужская сущность колониализма и патриархальные основы Нового Света постоянно подчеркивают противостояние Запада и Востока, усиливая напряженность, как между мужчиной и женщиной, так и между двумя типами женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Said, E. *Orientalism* / E. Said. – New York: Vintage Books, 1979.
2. *Noble Dreams: Wicked Pleasures* / *Dreams Noble*. – *Orientalism in America, 1870-1930*, ed. Holly Edwards. Princeton University Press in association with Sterling & Francine Clark Art Institute. – New York, 2000.
3. http://en.wikipedia.org/wiki/Declaration_of_Sentiments.
4. Rowson, S. *Slaves in Algiers* / S. Rowson. – Philadelphia: Wrigley and Beriman, 1794.
5. Schueller, Malini Johar. *U. S. Orientalisms: Race, Nation, and Gender in Literature, 1790–1890* / Malini Johar Schueller. – Ann Arbor: U of Michigan P, 1998.
6. «Three Oriental Tales» / ed. by A. Richardson. Houghton Mifflin Co. – Boston, 2006.
7. James, Boulden. *An American among the Orientals; Including an audience with the Sultan, and a visit to the interior of a Turkish harem* / Boulden James. – 1855.
8. Maturin, Murray Ballou. *The Turkish Slave; or The Mahometan and His Harem* / Murray Ballou Maturin. – 1850.
9. Cummins, M.S. *El-Fureidis* / M.S. Cummins. – Boston: Ticknor & Fields, 1860.
10. John de Forest Irene, *the Missionary*. – Boston: Roberts Brothers, 1879.
11. Poe, E.A. «Ligeia» in *Norton Anthology of American Literature* / E.A. Poe. 3 edition, volume 1 – W.W. Norton & Company. – New York, 1983.
12. Herman, Melville, journal entry, December 17, 1856, in «The Writings of Herman Melville: The Piazza Tales», ed. Harrison Hayford / Melville Herman. – Evanston, Ill., & Chicago: Northwestern University Press & Newberry Library, 1987.

SUMMARY

In the paper the stereotypes on the eastern women and the embodiment of these ideas in the literary works by the American orientalists in the XIX century are shown. The peculiarities of the American ideology and policy, and their approach to gender problems, reflection of these problems in the literary works are revealed from the orientalist point of view.

Поступила в редакцию 13.01.2012 г.